

БОРИС НЕПОМНЯЩИЙ И ЕГО ПОЭЗИЯ

Важно стихотворение убедительно начать. Начав – достойно продолжить. Продолжив – достойно же и выразительно завершить. Эти, переводя на язык шахмат, дебют, миттельшпиль, эндшпиль Борис Непомнящий пытается осуществить в своих миниатюрах. В каждой из них – тонкая и продуманная драматургия, свое особое развитие. В XIX веке такое, пусть и самое малое по объему, стихотворение именовалось – пьеса.

Уже смеркается в пятом.
Смеркнется... А потом
Женщина в доме рядом
Лампу зажжет в шестом...
И на одно мгновенье
В окнах наискосок,
Вспыхнув, прервет паденье
Падающий листок.

Лирический набросок с натуры. И вместе с тем – маленькая драматическая пьеса. Действие разворачивается во времени и пространстве. Здесь важно слово – «вспыхнув». Показан невозможный в прозе перерыв в движении падающего листка. Сумерки, зажженная лампа, падающий листок. Нет материала для исторической хроники. Зато обильный материал для лирического высказывания, в котором живопись словом сочетается с мелодикой стиха, с интонацией.

Определяя стих Бориса Непомнящего, всего лучше и уместней вспомнить о плотности как густоте вещества в данном объеме. Стих поэта, обретший такого рода плотность, отмечен выразительностью, явленной как в метафоре, так и в афоризме, как в метонимии, так и в ритмике. Это легко проверить на малых словесных объемах. Достаточно, как это делает Борис Непомнящий, сказать: «...птицы угловатый взлет», чтобы увидеть это, как на экране. Достаточно написать: «Тяжеловесно и прекрасно Упало яблоко к ногам», чтобы услышать это ньютоново действие и даже почуять запах этого палого

яблока. Достаточно выдохнуть: «Забываю – словно убываю...», чтобы почти физически ощутить ущербность беспамятности. Такого рода примеры поэтической точности – на каждом шагу в этой книге. Слова произносятся с толком и с расстановкой, не всуе и не без дела. В стихе каждое слово, более того – каждый звук служит сути высказывания.

Сумерки все гуще...
Дело к ночи...
В этом промежутке без огней
Реплики становятся короче,
Паузы становятся длинней.

Здесь ничего не прибавить, ничего не убавить. Слов столько, сколько нужно, чтобы понять друг друга. Верное наблюдение вместе с тем переходит в картину состояния природы в сумеречный час и души человеческой в момент собеседования и раздумья.

Читая Бориса Непомнящего, можно предположительно назвать его учителей: Тютчев, Блок, Анненский, Пастернак, Ходасевич, Ахматова. Много? Нет, не много. Всего вернее сказать – вся Русская поэзия с большой буквы. Почтительно и нежно: «Есть такая сторона – Русская поэзия; Дорогие имена, редкая профессия», – по слову Николая Ушакова, который с успехом может быть причислен к вышепоименованным. Русская поэзия в ее могучем единстве и редкостном многообразии направляла дарование Бориса Непомнящего, отдавшего сорок с лишним лет преподаванию русского языка и литературы в средней школе Брянска. Всю жизнь в этом человеке шла глубоко внутренняя, а не па показ работа над собой, над словом, над строкой. Он с детства жил стихом и выработывал строжайшую требовательность к себе. Выпускник Московского пединститута, он стал жителем Брянска, сочинителем, добровольно отрезавшим для себя легкие пути к славе и жившим по пушкинскому разумению: «Блажен, кто молча был поэт». Стихи отлеживались и созревали в тени.

Читать этого поэта, как я заметил, надо медленно и понемногу, с паузами для раздумий, как и надлежит читать лирическую книгу. Густо написано, емко написано. У Бориса Непомнящего находим то, что Юрий Тынянов называл «теснотой стихового ряда». Сгустившийся и жаждущий осмысления жизненный опыт. Все напряженно сложно и все освобождающе просто. Содержательность текста и подтекста – и одновременно легкая до прозрачности словесная живопись, в большинстве случаев акварель. Читаю стихотворение «Фонарь»:

Не луной – ночными фонарями
Высвечен, как будто обнажен,
До утра в моей оконной раме
Обреченно цепенеет клен.
Немота – ни ветерка, ни звука...
Ни прикрыть, ни спрятать наготу...
О, какая каторжная мука –
Быть и днем и ночью на свету.

О ком речь – о фонаре? О клене? О человеке! Автор о самом себе. О нас с вами. Пейзаж корреспондирует к душе. Одни не могут без света фонаря, без света фар, другие бегут от них. Одним не хватает прожекторов, другим не по душе и малая подсветка. Лирическая исповедь Бориса Непомнящего чурается театральности и парадности. Быть как все.

Не приведи, Господь, быть вечно правым,
Не ведая сомнения в пути;
Жить по чужим затверженным уставам
Не приведи.
Не приведи к решениям поспешным,
Но и к долготерпенью не зови,
И в грешном мире оставаться грешным
Благослови.

Это уже в прямом смысле исповедь, подспудно возникающая то тут, то там в лирической книге грешника, просящего разрешения в такой роли и далее пребывать в этом грешном мире. Книга полна драматических противоречий: человек, любящий оседлость, обожает

при этом дорогу, ценящий покой и сосредоточенность, он часто тревожен и возбужден, он рассеян. Он тщится сочетать мгновение с вечностью. Он вглядывается, вслушивается, вдумывается в такое реальное и вместе с тем таинственное понятие, как Время.

Еще не вышло время, плечи горбя,
Испытывать молитву на распев,
И ненависть еще не знает скорби,
Еще не верит исповеди гнев.
Еще не вышло время, горбя плечи,
Поверить в искупление утрат,
Еще в домах не зажигают свечи,
Когда костры на площадях горят.

Не надо доказывать, что это XX век, что это наша история.
Свечи и костры...

В книге даны разные грани времени: личные, астрономические, историко-философские, бытовые. Поэт слышит (и даже видит) Время, а не только мерные удары маятника или стрекотание ходиков. И он весьма точно улавливает временные границы своего поколения:

Из одной пригубили чаши
И одну истаскали бирку,
Ибо все поколение наше
В тираже пошло под кофирку.
Уходящее поколение,
Выпадаем из переплета,
И вчерашнего оглавленья
Осыпается позолота.

Ладные, но суровые строки. Строго выдержан так называемый локальный образ: тираж, кофирка, переплет, оглавленье, позолота. Этому поэту, если внимательно читать его, свойственны не только нежная точность описаний, пристальное и бережное вглядывание в мир, но и дух упорства, натянутая тетива воли, гнев инвективы.

Старое, испытанное, традиционное поэт умеет обновить, представить знакомое в непривычном свете, повернуть неведомой стороной. У него «волна, рожденная во мгле. В далях бесприютного

пространства, Рвется к остывающей земле И у камня ищет постоянства». Вдумаемся: волна – подвижная, живая, переменчивая – ищет постоянства – у кого? – у камня. Пушкинские «волна и камень» новым автором резко переосмыслены. Антитеза стала тождеством, или, вернее, желанием тождества и равенства. Волна показана с кинематографической наглядностью. Изображая полот птицы, поэт отмечает, что «белыми вспышками черная тень ее Сверкала над бездною вод». Черно-белая графика, черно-белое кино. А может быть, это стиховая мультипликация. Во всяком случае мы присутствуем при свежем раскрытии знакомых картин.

Иной читатель спросит: а почему так поздно, на шестом с половиной десятке лет, притом по настоянию друзей и учеников, решается Борис Непомнящий выпустить в свет свою книгу? Ведь скромностью и долготерпением этого человека широко пользовались издатели, к которым все же изредка обращался поэт. Известно, что восемь с лишним лет рукопись книги пролежала в издательстве и, при благоприятных рецензиях, была возвращена автору. Не будем об этом вспоминать. Работа поэта не прекращалась. Он писал «в стол» – и ныне широко практикуемый метод работы. Друзья и ученики поэта не унимались и верили, что справедливость должна восторжествовать. Сейчас книга перед читателем.

Внятность, глубина и изящество – очевидные достоинства этой книги. Автор отверг столь модное сейчас стихотворное шаманство, отверг невнятицу во имя содержательности и кристаллической определенности формы. Поэт вместе с нами мечтает:

Успеть произнести в последнем вздохе
Хоть слово,
Что останется, как ртуть,
В изменчивом термометре эпохи.
По миру будто по миру идти
С холщовою сумою пилигрима,
Чтоб на язык корней перевести

Все, что казалось непереводаемо.

Серьезная и долговременная программа жизни и творчества, увлекательная как для автора, так и для читателя. Я сказал – программа. Возможно, верней было бы сказать – исповедь. Заповедное слово мастера к читателю.

По слову Фета, в истинной лирической тетради «человек сгорел». Сгорел без остатка, оставив по себе не пепел, а яркий огонь стихотворных строк. Надо думать, что читатель обнаружит это в предлагаемой книге.

Мне больше нечего к этому добавить. Остается только вместе с читателем перейти к чтению.

Лев Озеров.